

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. В.Ю. Лебедев

г. Тверь, Россия

© 2025 г. А.М. Прилуцкий

г. Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ РЕЛИГИОЗНОГО АНЕКДОТА

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена (проект № 26ВГ)

Аннотация: Статья посвящена изучению семио-герменевтической специфике современного религиозного анекдота. Секуляризационные тенденции способствуют популярности данного литературного жанра, одновременно с этим отдаление от религиозных традиций приводит к формированию искусственных представлений о религии, что делает анекдот прагматически востребованным. В современной культуре повседневности происходит мифологизация прагматики религиозного анекдота. Религиозный анекдот имеет ряд принципиальных особенностей, прежде всего компоненты религиозной культуры в нем не только составляют событийный контекст, но непосредственно формируют нарративные смыслы. Кроме того, религиозный анекдот не ограничен сюжетными повествованиями, он включает в себя различные примеры языковой игры, трансформирования фразеологизмов, синтаксирования, парафразирования, обыгрывания литургических штампов. Прагматика комического в религиозном анекдоте реализуется в двух базовых разновидностях: анекдот, изначально рассчитанный на поучение, и не несущий поучительных задач. При этом возможна прагматическая инверсия. В соответствии с типологией юмора, можно выделить такие разновидности религиозного анекдота как: аффективный, конативный, и когнитивный. Инверсивной формой религиозного анекдота является анекдот антирелигиозный, который активно использовался в дискурсах советской атеистической пропаганды. От атеистического анекдота следует отличать анекдот антиклерикальный, в котором представлена сатирическая интерпретация или помещение в сатирический контекст священнослужителей или — в широком смысле практикующих верующих. Анализ конфессиональной стратификации сюжетов позволяет сделать вывод о том, что наблюдается два типа или два уровня миграции анекдотических сюжетов, межконфессиональный (межрелигиозный) и религиозно-атеистический. Бытование анекдота в религиозной среде служит, помимо прочего, укреплению иммунитета к разного рода критике религии.

Ключевые слова: религиозная культура, религиозная традиция, юмор, секуляризация, антиклерикализм, пародия.

Информация об авторах:

Владимир Юрьевич Лебедев — доктор философских наук, доцент, Институт педагогического образования и социальных технологий, Тверской государственный университет, ул. Желябова, д. 33, 170100 г. Тверь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4840-3135>

E-mail: semion.religare@yandex.ru

Александр Михайлович Прилуцкий — доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, ул. Казанская, д. 6, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.09.2024

Дата одобрения рецензентами: 21.03.2025

Дата публикации: 25.06.2025

Для цитирования: Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. К вопросу о жанровой специфике религиозного анекдота // Вестник славянских культур. 2025. Т. 76. С. 26–38. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-26-38>

Постановка проблемы

Процессы культурной динамики инициируют жанровые подсистемы вербальной текстовой сферы. Нас интересует подсистема анекдота, которую мы называем, с определенной долей условности, «церковным анекдотом». Переосмысливаются жанровые признаки, связанные с ними маркеры, границы. Отдельная область изменений касается прагматики: вопросы «как», «для чего»; когда и кому можно или нельзя; функциональная и дисфункциональная роль в референтных группах, состоящих отнюдь не только из людей религиозных.

Секуляризационные тенденции, с одной стороны, снимают или ослабляют табу на произнесение или чтение текстов, которые могут оказаться кощунственными (сюда безусловно относится анекдот). С другой, отдаление от живой и регулярной религиозной жизни приводит к искусственному формированию ряда представлений, включая и пределы востребованности анекдотов, пародий и т.п. Проблема актуализируется также за счет того, что анекдот нередко использовался в целях антирелигиозной борьбы, что ведет к появлению оксюмороничности в самом словосочетании «религиозный анекдот». В результате могут становиться неясными правила и допущения его употребления (эта утрата происходит *de facto*, а не из-за спланированного умысла), вплоть до эзотеричности.

В современной культурной ситуации, покинувшей пределы собственно секулярной, естественно как повторное выявление семантики и прагматики религиозного анекдота, так и выявление свойств и закономерностей, связанных с наличествующей культурно-религиозной ситуацией — с учетом всех ее специфических черт. Религиозное во многом не просто восстанавливается и ревитализируется, но порождается и конституируется заново.

Состояние предметной области

Аналізу жанровой специфики, композиции и отчасти — поэтики анекдота посвящена монография Ефима Курганова «Анекдот как жанр», опубликованная в 1997 году [10]. Данная монография, по словам автора, является «сводом развернутых

тезисов, обозначающих основные приметы природы анекдота, его художественной специфики» [10, с. 6]. При этом анекдот на религиозную тематику автором отдельно не рассматривается, хотя некоторые тексты, появление которых обусловлено религиозной проблематикой, в монографии приведены. Культурологическая специфика современного анекдота с учетом тематической дифференциации текстов проанализирована в статье К.В. Душенко [6]. Несмотря на то, что специфика анекдота на религиозную тематику и этим автором специально не рассматривался, в статье обосновывается принципиально важный тезис: «анекдотов о священниках и церкви в католических странах вовсе не обязательно свидетельствует о безверии тех, кто их рассказывает, так же как богохульство отнюдь не есть признак безверия» [6, с. 78]. Диахронический подход к исследованию жанровых особенностей анекдота представлен в работе Н.Г. Бирюкова [3]. Работ, непосредственно посвященных анализу анекдотов на религиозную тематику, совсем немного. С.А. Нечаева и Г.А. Ковалева анализируют подобные анекдоты как религиозно-источник, содержащий информацию о динамике религиозной ситуации, и делают обоснованный вывод, подтверждающий наш тезис о недостаточной изученности данной темы: «потенциал анекдота как источника информации об обществе и его культуре до сих пор остается нераскрытым» [13]. В работе И.А. Юрасова перечислены «типичные паттерны современного православного анекдота: архаическое, фольклорное понимание основных догм; критика атеизма; архаическое, фольклорное понимание православных традиций; ненормальное, неопитское рвение к выполнению основных формальных православных предписаний и норм; грех как глупость; жизнь по евангельским заповедям как наиболее приемлемая форма религиозной жизни; светское, мирское понимание евангельских истин; непостоянство в религиозной, духовной жизни; архаические кентавр-идеи в народном религиозном дискурсе» [16, с. 38]. И.А. Бродский анализируя богословское содержание религиозных анекдотов, приходит к интересному выводу о том, что в них чаще пародируются не стандарты какого-либо поведения, но его описания [5]. Особо необходимо отметить диссертацию Е.А. Копылова, в которой анекдот (на примере еврейского анекдота) рассматривается как средство переживания национальной идентичности [9, с. 15].

Исследование

Анекдот в фольклористике обычно понимается как «короткий рассказ чаще всего комического содержания, с остроумной, но иногда поучительной концовкой» [3, с. 13]; аналогичное по содержанию определение: «краткий устный рассказ злободневного бытового или общественно-политического содержания с шуточной или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой» приведено в литературном энциклопедическом словаре [1], его можно считать нормативным. Отличительными признаками жанра, как следует из словарного определения, являются: краткость и наличие комических компонентов дискурса. Градация последних достаточно широка: комическое в анекдоте может быть представлено в форме юмора, иронии, сатиры или сарказма в зависимости от целого ряда факторов: относящихся как к особенностям коммуникативной прагматики, так и к этико-эстетическим особенностям наррации. Разным степеням комического соответствует и историческая вариативность, связанная с усмотрением комического в тексте; комическая семантика возрастает по мере функционирования текста (причем и непропорционально по отношению к изначальной ситуации текстовой продукции), может и стираться.

При этом религиозный анекдот имеет ряд принципиальных особенностей, без учета которых данный жанр оказывается невозможным корректно определить. Компоненты религиозной культуры в нем не только и не столько составляют фон, на котором происходит развитие сюжета, но и непосредственно формируют нарративные смыслы, участвующие в формируемой анекдотистом эстетике комического. Одно лишь упоминание в анекдоте священнослужителей, храмовой утвари, икон, крестов и т. д. и т. п. не делает анекдот религиозным: в тех случаях, когда религиозная лексика может быть без утраты смысла заменена на нейтральную, о религиозном характере наррации говорить не приходится. Лишь в тех случаях, когда комический эффект обусловлен специфической перверсией религиозных процессов, ролей и отношений, можно говорить о религиозном анекдоте как таковом.

Кроме того, следует сделать еще одно уточнение. Анализ текстов демонстрирует, что религиозный анекдот не ограничен сюжетными повествованиями, он включает в себя различные примеры языковой игры, трансформирования фразеологизмов, синтаксирования, парафразирования, обыгрывания литургических штампов типа «псаломщик спит — служба идет», или «Да исправится молитва моя, я — крокодила пред Тобою... не только крокодила, еще и бегемота». Причислить подобные фразы к жанру анекдота позволяет то, что они, во-первых, несут те же функции, что и анекдот-новелла, а во-вторых, структурно соответствуют ему в обязательной неожиданности финала, непредсказуемости «удара» по изначальной системе значений [6, с. 76]. При этом наблюдается значительный разброс в средствах организации комического в пределах разных культур и разных периодов одной и той же культуры. Не случайно анекдоты, возникшие в арабском мире (и в религиозном плане ассоциированные с исламом), часто не воспринимаются как привычный анекдот, а могут быть отнесены к жанру притч. Часть еврейских анекдотов представляет результат позднейшей культурной адаптации религиозных притч, особенно яркие образцы — порожденные изначально в хасидской среде с ее установкой на конкуренцию дискурсивной богословской мудрости и мудрости непосредственной, постигаемой через ту или иную ситуацию, становящуюся сюжетным каркасом анекдота. Также некоторые анекдоты отражают противостояние ортодоксов и реформистов (напр., анекдот «три отличия раввина-ортодокса от реформиста») [9, с. 9–12]. Порой при этом происходит семиотическая замена, связанная с глубинным свойством религиозного анекдота вообще — замена «сакрального комического» комическим светским, секуляризованным (ср.: [13]).

Помимо использования комического как *conditio sine qua non*, следует оговорить прагматические особенности анекдота. Два базовых варианта таковы:

- анекдот, изначально рассчитанный на поучение;
- анекдот, не несущий поучительных задач (в том числе и в том случае, когда дидактический посыл полностью стерся). В этом случае частотный вариант — снятие того или иного напряжения, облегчения коммуникации и т. п., то есть наличие черт, имеющих в прагматике обычного анекдота.

Анекдот второго типа очень часто имеет черты притчи (порой она может обрамляться сюжетным рядом анекдота), поэтому к нему можно применить отмеченную исследователями особенность: правдоподобие событий принципиально не является важным, так как цель такого текста — не наррация о некоторых событиях, а побуждение к действию, для чего правдоподобие выступает лишь поводом [12]. С этим связана и проблема исторической достоверности анекдота, а значит и возможность его

использования как источника. Подчас анекдот выглядит так достоверно, что желание использовать его как источник очень велико. Однако деформация реальности здесь часто велика и доходит до полного несоответствия. Так, если реалии сюжета о номерном знаке 999 автомобиля митр. Введенского, который по ночам переворачивали, чтобы получить «число зверя», еще можно проверить (автомобилей в ту пору было немного, регистрационные документы могут сохраниться в архивах и т. д.), то историю из того же «обновленческого цикла» о провокативной попытке верующего взять благословение у Введенского, когда тот вечером сидел в ресторане в дамском обществе, вряд ли проверяема вообще. Однако ее бытованию в виде анекдота это не мешает, так как суть истории — не передача фактов, а установка на критику определенного явления и выявления его сущностных черт (опасное сближение мирского и религиозного) безотносительно к деталям сюжета. Акцент переносится с «так было» на «не делай так» (или наоборот — «подражай»).

Косвенный эффект анекдота подразумевает прагматическую инверсию, когда анекдоты второго типа используют в поучительных целях, начиная с простейших ситуаций, напр., как надо и как не надо что-то делать или о чем-то говорить. Сюда же следует отнести соединение комического с поучительным (борьба с невежеством, унынием и т. п.).

Возможна прагматическая инверсия. В формировании жанра христианского анекдота значительную роль сыграл жанр апофегмы. Отсюда и появление целых собраний под характерными названиями вроде «Отцы-пустынники смеются» [19]. В указанном источнике преобладают, на наш взгляд, именно апофегмы, на очень смешные или даже брутальные анекдоты они не похожи, так что само издание носило пастырский, а не развлекательный характер. Кроме того, необходимо делать скидку на историческую эволюцию смешного [5]. Однако здесь мы наблюдаем трансгрессию жанрово-конфессиональных границ, подобный текстовый массив имеется, например, и в иудейских анекдотах, восходящих к высказываниям различных религиозных авторитетов. Такая же трансгрессия наблюдается и при использовании сцен и событий, где действуют не духовные лица — лишь бы их известность и авторитетность были узнаваемы. С отсылкой к реальным историческим фактам дело обстоит подчас спорно, что объясняется иной прагматикой анекдота, о чем говорилось выше. Из-за этого использование анекдота в качестве исторического источника может быть проблематичным. Например, группа анекдотов о вождях обновленчества подчас содержит неверифицируемые подробности, возможно восходящие к преданиям, транслировавшимся устно. В некоторых же случаях факты подтверждаются благодаря фиксации в иных источниках, так что анекдот их вычленил, ограничивает сюжетной рамкой и подает именно как анекдотический нарратив.

Важнейшие социальные функции анекдота: интеграция сообщества и ее маркирование, позволяющее оперативно распознавать «своих», производить детекцию тех, кто входит или готов войти в любое из иных подобных сообществ, то есть в данном случае он выполняет функции семиотического кода. Соответственно, можно выделить анекдот семинарский, бурсацкий, монастырский.

Применяя типологию юмора Х. Айзенка, можно выделить подвиды анекдота (с возможностью их сочетания):

- аффективный, создаваемый за счет различий социальной среды (духовенство — миряне, монашествующие — белые, имеющие значительный церковный опыт — новоначальные и т. п.);

- конативный, проистекающий из сознания превосходства над предметом смеха (прежде всего это ситуация «атеизм — религия», а также некоторые случаи межконфессиональных контрастов);
- когнитивный, предполагающий серьезные размышления над предметом смеха, наиболее близкий к анекдоту-притче (сюда относятся сюжеты с ошибками алтарников на богослужении, теми или иными спорными ситуациями на исповеди, при совершении иных таинств и ритуалов, со сложными для восприятия частью паствы проповедями — истории вроде проповеднической манеры о. Всеволода Шпиллера, часто ориентировавшегося на образованную интеллигентскую публику [17]).

Инверсивной формой религиозного анекдота является анекдот антирелигиозный, который наряду с атеистической карикатурой использовался для пропаганды в юмористических разделах советской атеистической периодики. Часто совмещение атеистической карикатуры и вербального текста (анекдота) на обложках советских атеистических изданий типа «Безбожник у станка» формировало поликодовый текст, при помощи которого предполагалась реализация определенной персуазивной стратегии маркирования «религиозного» как «смешного». Интересно, что персонажами подобного текста часто выступают Бог, ангелы, черти, существование которых в принципе отвергается атеистическим мировоззрением. Изображение их как реально существующих, хотя и в комическом контексте, порождало определенные противоречия на уровне идеодискурса, что было отмечено М.А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» «Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, — но Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф» [18, с.12].

От атеистического анекдота следует отличать анекдот антиклерикальный, в котором представлена сатирическая интерпретация или помещение в сатирический контекст священнослужителей, или — в широком смысле, практикующих верующих. Как правило, им приписываются такие нравственные пороки, как лицемерие, беспринципность, жадность, обжорство, половая распущенность, иногда — скрытый атеизм. Как жанр, современный антиклерикальный анекдот во многом восходит к идеологемам и образам, известным из сочинений французских просветителей XVIII, при том, что антиклерикальная сатира — явление, как на Западе, так и на Востоке. Составление и восприятие подобных текстов в рамках советского идеодискурса изначально не отличалось сложностью: прагматический успех от иронического приписывания духовенству моральных пороков не требовал ни от автора, ни от потенциального читателя глубоких познаний в сфере догматики, литургики и церковной культуры как таковой; при этом предполагалось, что за осмеянием будет автоматически следовать десакрализация духовенства, разрушение авторитета. Однако антиклерикальный анекдот порой как раз пробуждал интерес к церкви и религии в целом.

Атеистический сатирический поликодовый текст соотносился в общественном восприятии с политическим, в котором по аналогичным паттернам изображались политические противники Советского Союза, в реальности которых никто не сомневался.

Пропагандистское же значение антиклерикального анекдота было весьма ограниченным. Последнее было обусловлено тем, что с одной стороны, сама церковь не отвергала наличие недостойных священнослужителей, а с другой стороны, сам феномен новомученичества, хорошо известный в околоцерковной среде, разоблачал фальшь подобных сатирических обобщений, провоцируя возмущение верующих. Наличие данных противоречий привело в итоге к тому, что антирелигиозный и антиклерикальный анекдот фактически перестает использоваться как инструмент атеистической пропаганды. В Постановлении ЦК КПСС 1954 г «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» отмечалось, что «к выступлениям в печати, лекциям и докладам нередко допускаются невежественные в науке и в вопросах атеистической пропаганды люди, а подчас и халтурщики, знающие, главным образом, лишь анекдоты и басни о церковнослужителях» [20, с. 459-478].

Сама возможность использования анекдота для критики религии создает и определенные трудности в трансляции текстов этого жанра. Если внутри церковной среды анекдоты фактически легализованы, то при такого рода трансляции вовне (включая неверующих, сомневающихся, новоначальных и под.), т. е. сдвиге семиотической точки зрения [13, с. 124–143], возникает риск соблазна через создание сомнительного образа. Прот. М.В. Ардов, публикуя известный сборник церковных анекдотов [17], признавался в предисловии, что решение о публикации было им принято не без труда и что возможность соблазна в принципе признается проблемой, но реалистичное отношение к религиозно-конфессиональным реалиям является скорее благом, достижению которого как раз и способствует анекдот.

Следует отметить, что негативное отношение к религиозному анекдоту среди части верующих обусловлено негативным отношением к эстетике комического среди приверженцев религиозного радикализма. Смех часто воспринимается ими в качестве компонента бинарной оппозиции смех / слезы, характерной для монашеской аскезы, зачастую распространяемой и на жизнь мирян. В качестве ее герменевтического обоснования чаще всего используется не учитывающая контекст трактовка Мф. 5: 4 и Лк. 6: 25. Отсюда возникают комментарии типа «блаженны плачущие, а не смеющиеся», «плакать о грехах своих нужно, а не смеяться», являющиеся частотными в дискурсе интернет-комментариев. При этом происходит генерализация данной оппозиции: религиозная оценка «греховного смеха» переносится на смех таковой, равно как и оценка «благочестивых слез». Отношение к смеху, характерное для шотландского пресвитерианства XVII столетия, четко уловленное Г.Т. Боклем, носит, скорее всего, интерконфессиональный характер и характеризует этику религиозного радикализма как такового: «следовало воздерживаться от веселости, особенно же доходящей до смеха; собеседников надлежало искать себе между людьми степенными и скорбными, которые не отдавались бы такой пустой суете. Улыбка могла быть дозволена изредка, лишь бы она не переходила в смех; но так как это плотская утеха, то грешно было даже улыбаться в воскресный день. Люди, глубоко проникнутые религиозными убеждениями, даже в будни почти никогда не улыбались, а только вздыхали, стонали, плакали» [4, с. 161].

Анализ конфессиональной стратификации сюжетов позволяет сделать вывод о том, что наблюдается два типа или два уровня миграции анекдотических сюжетов: межконфессиональный (межрелигиозный) и религиозно-атеистический. Так, например, восходящий к притче анекдот об отшельнике, встретившем льва, которому Бог даровал сердце христианина, фиксируется в православной, протестантской и католической среде. В ходе миграции меняется статус главного героя: старец в православной

интерпретации трансформируется в монаха-францисканца, протестантского пастора или миссионера. Другое изменение — в православном варианте лев произносит молитву о благословении пищи на церковнославянском; в католическом и протестантском — на современном русском языке, что соответствует обусловленным контекстом конфессиональным молитвенным практикам. Анекдоты, не отражающие конфессиональную специфику, в результате межконфессиональной миграции не претерпевают каких-либо изменений, либо эти изменения минимальны. Некоторые изменения могут носить стилистический характер, обусловленный спецификой конфессионального социолекта, конфессиональной коммуникативной этики (этикетные нормы обращения к духовенству, особенности конфессиональной эстетики и т. п.), однако для понимания сюжета они не принципиальны и на прагматику не влияют.

Другой уровень миграции, условно обозначенный нами как религиозно-атеистический, характеризуется существенными трансформациями и модификациями не только на семантическом и семиотическом уровнях, но и в плане коммуникативной прагматики. В большинстве случаев, сюжет подобных анекдотов содержит инверсивный конфликт между реальным и должным поведением священнослужителя или верующего мирянина. В религиозной среде подобные сюжеты прагматически выполняют роль педагогической сатиры, направленной на исправление нравов недостойного духовенства и паствы. Предметом сатирической интерпретации в них являются отелльные недостойные лица. В ходе миграции сюжета происходит его адаптация к совершенно иной прагматической цели — очернению верующих, «религиозников», «попов» как таковых.

Прагматика анекдота, фиксирующая границы жанра, связана с его социальным функционированием, которая не всегда очевидна при попадании анекдота на «препаровочный стол» исследователя. Отсюда эффект «групповой относительности». Циркуляция анекдота определяется структурными социальными полями, определяющими морфологию религиозного сообщества. Анекдот воспринимается как нечто естественное в кругах духовенства, с наибольшей осторожностью он воспринимается среди неофитов и людей, слабо вовлеченных в регулярную и серьезную религиозную жизнь. В социальной среде духовенства анекдот нередко формируется, благодаря ей передается, транслируется, в этой среде часто задаются рамки интерпретации анекдота и его аксиологическая рецепция.

За пределами указанного сообщества (макрополя) анекдот может пониматься существенно иначе и даже утрачивать жанровую идентификацию. Анекдот может покидать рамки религиозного сообщества, но при этом претерпевает семиотические сдвиги. Анекдотические истории, в частности о высказываниях известных иерархов, их поведении в разных ситуациях (например митр. Антония Храповицкого) по-разному воспринимаются даже разными представителями среды верующих. Вне этой среды один и тот же текст может быть не только понят совершенно иначе (например, в свете установки на то, что «священники не шутят и не смеются»), но и использован с целью критики церкви: в рамках агрессивного-атеистического дискурса или дискурса иноконфессиональной критики. Подобный эффект заставляет вспомнить акцентированное Бергсоном свойство комического — вовлеченность в коммуникативную общность, когда внешний относительно нее человек не находит рассказанное ни смешным, ни даже вообще интересным [2].

К явлениям, связанным с пересечением социального поля, относятся и изменения-адаптации к иному конфессиональному / религиозному полю. Когда адаптация

достижима, анекдот продолжает реализацию прагматического потенциала при корректровке семантики. Так, анекдот о священнике, призывающем верующих не бросать в церковную кружку пуговицы, таким трансформациям подвержен: священник меняет религиозную принадлежность. Кстати, меняется и мотивационная часть его просьбы: от «небесные силы в пуговицах не нуждаются» до «все духовенство прихода перешло на застёжки-молнии».

Табуирование анекдота может происходить в рамках критического отношения к смеху вообще и смеху, направленному на религиозные реалии; мотивами могут быть религиозная аскеза, светская строгость нравов и/или соблюдение ситуативной уместности. Здесь можно выделить три основных случая:

- небольшие сообщества, формирующиеся вокруг радикально строгих духовных авторитетов;
- осторожность новоначальных, стремящихся максимально жестко и последовательно выполнять требования и предписания, почерпнутые в весьма разных источниках;
- боязнь смеха в некоторых деноминационных группах, хотя анекдот и использование комических резервов встречаются и там, порой просачиваясь «контрабандой», из мира «бездуховных невозрожденных христиан». Так, мы фиксировали бытование среди евангельских христиан-баптистов анекдота, построенного на псевдоэтимологии лексем «богословие» и «богослов» (связывание их с словом «осел»), причем встречались разные варианты. Видимо, органическая неприязнь к богословию, отождествляемому прежде всего с православием и католицизмом, преодолевает все ригористические запреты на суесловие, осуждение и ненужный смех. В периодике подобных деноминаций мы также иногда фиксировали нечто похожее на анекдот, но чаще это более походило не на анекдот с развернутым сюжетом, а лишь на попытки острословия. Стоит отметить, что незамысловатые каламбуры использовались апологетами Диамида (Дзюбана), бывшего епископа Чукотского, для дискредитации Андрея Кураева, активно выступавшего с критикой Диамида [14]. Отсюда можно сделать предположение о том, что некоторые сюжеты анекдотов способны пересекать конфессиональные границы.

Между анекдотом и просто острословием, способностью порождать, обычно экспромтом, различные *bon mote*, существует различие уже по определению, однако острословие, введенное в ситуативный контекст, легко превращается в анекдот. Сказать о какой-либо книге «букет нераспустившихся ересей» будет скорее острословием, но описание ситуации, т. е. создание метаситуации, когда высказывание принадлежит митр. Антонию Храповицкому, а речь идет о книге о. П. Флоренского [17], порождает анекдот. Многочисленные забавные высказывания (источник тот же), которые прот. М. Ардов слышал лично от известных людей (арх. Киприан (Зернов), митр. Иоанн (Вендланд) и др.) при рассказе о них превращаются в анекдот. Линия демаркации анекдота и пограничных жанров не всегда очевидна, так что порой она уточняется за счет реакции слушателей и читателей, относящейся к референтной группе; их реакция уточняет жанровую принадлежность. Не всегда четкая и непрямая линия демаркации анекдота и пограничных жанров определяется в значительной степени коммуникативно-лингвистически, когда модус отношения к личности, событию определяется преобладающей

реакцией потенциальной референтной группы. Так, эпизоды из жизни бывшего ленинградского прот. А. Осипова [21], выписанные автором тщательно и рельефно, воспринимаются скорее как новеллы или топосы нарратива, но никак не в качестве анекдота. Таким образом, социальный контекст и обуславливает степень комического эффекта, и способствует демаркации жанра.

При восприятии анекдота как привычного элемента религиозной жизни становится труднее использовать его с критической, разоблачающей целью, для выявления неких скрытых «безобразий», а значит, становится затруднительной трансформация религиозного анекдота в антирелигиозный – равно как и создание новых антирелигиозных анекдотов.

Список литературы

Исследования

- 1 Анекдот // Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
- 2 Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
- 3 Бирюков Н.Г. Анекдот как особый жанр художественной литературы: диахронический аспект // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. №2-7 (7). С. 12–16. EDN YNZJSP.
- 4 Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. М.: Мысль, 2002. Т. 2. 509 с.
- 5 Бродский А.И. Религиозный анекдот и его богословские истоки // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. №2 (6) С. 123–131.
- 6 Душенко К.В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2000. №1 (11). С. 75–90.
- 7 Карасев Л.В. Философия смеха. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 1996. 224 с.
- 8 Курзюк А.А. Политический анекдот в контексте позднесоветской культуры // Studia Culturae. 2017. № 31. С. 75–84. EDN YLDSJJ
- 9 Копылкова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов): дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 202 с.
- 10 Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 124 с.
- 11 Ландман З. Что есть остроумие // Еврейское остроумие. М.: Лехаим, 2006. С. 9–12.
- 12 Мухелишвили Н.Л., Шабуров Н.В., Шрейдер Ю.А. Прагматика притчи. М.: [Б. м.], 1989. 20 с.
- 13 Нечаева С.А., Ковалева Г.А. Анекдот как «барометр» внешней религиозной идентичности // Череповецкие научные чтения — 2016: Мат. Всерос. научн.-практич. конф. В 3 ч., Череповец, 16–17 ноября 2016 г. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. Ч. 1. С. 72–74.
- 14 Серафима, монахиня. Лгунишка всяя Руси диакон Андрей Кураев // Русская линия. URL: <https://rusk.ru/viewmessage.php?id=14851> (дата обращения: 20.02.2024).

- 15 Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
- 16 Юрасов И.А., Зябликова О.А. Социо семиотическая специфика православного анекдота и его влияние на религиозную идентичность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, №5. С. 36–41.

Источники

- 17 Ардов М., прот. Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни. М.: Изд-во Сабашниковых, 1995. 256 с.
- 18 Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Высшая школа, 1989. 559 с.
- 19 Отцы-пустынники смеются. Анекдоты. Шутки. Афоризмы. М.: Изд-во Францисканцев, 2003. 108 с.
- 20 Спутник атеиста. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 604 с.
- 21 Фирсов С.Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб.: Сатисъ. Держава, 2004. 287 с.

***

© 2025. Vladimir Y. Lebedev
Twer, Russia

© 2025. Alexander M. Prilutskii
St. Petersburg, Russia

ON THE GENRE SPECIFICITY OF THE RELIGIOUS ANECDOTE

Acknowledgements: The study is performed with support of the internal grant of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical university (project no. 26ВГ).

Abstract: The paper provides the study of semio-hermeneutic specificity of a modern religious anecdote. Secularization trends contribute to the popularity of this literary genre, while at the same time, distance from religious traditions leads to the formation of artificial ideas about religion, which makes the joke pragmatically in demand. In modern everyday culture, the pragmatics of religious anecdote is being mythologized. A religious anecdote has a number of fundamental features; first of all, the components of religious culture in it not only constitute the event context, but directly shape narrative meanings. The pragmatics of the comic in a religious anecdote is realized in two basic varieties: an anecdote that was initially designed for instruction and one that does not carry instructive objectives. In this case, a pragmatic inversion is possible. In accordance with the typology of humor, we can distinguish such types of religious jokes as: affective, conative, and cognitive. An inverse form of a religious joke is an anti-religious anecdote, which was actively used in the discourses of Soviet atheistic propaganda. Analysis of the confessional stratification of stories allows us to conclude that there are two types or two levels of migration of anecdotal stories, interconfessional (interreligious) and religious-atheistic. The existence of an anecdote in a religious environment serves, among other things, to strengthen immunity to various kinds of criticism of religion.

Keywords: Religious Culture, Religious Tradition, Humor, Secularization, Anticlericalism, Parody.

Information about the authors:

Vladimir Yu. Lebedev — PhD in Philosophy, Docent, Professor, Professor Department of Theology, Institute of Pedagogical Education and Social Technologies, Tver State University, Zhelyabova St., 33, 170100 Tver, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4840-3135>

E-mail: semion.religare@yandex.ru

Alexander M. Prilutskii — PhD in Philosophy, Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Kazanskaya St., 6, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

E-mail: alpril@mail.ru

Received: September 15, 2024

Approved after reviewing: March 21, 2025

Date of publication: June 25, 2025

For citation: Lebedev, V.Yu., Prilutskii, A.M. “On the Question of the Genre Specificity of the Religious Anecdote.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 76, 2025, pp. 26–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-26-38>

References

- 1 “Anekdot” [“Anecdote”]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary]* Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1987. 752 p. (In Russ.)
- 2 Bergson, A. *Smekh [Laughter]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. 127 p. (In Russ.)
- 3 Biriukov, N.G. “Anekdot kak osobyi zhanr khudozhestvennoi literatury: diakhronicheskii aspekt” [“Anecdote as a Special Genre of Fiction: Diachronic Aspect”]. *Natsional'naia Assotsiatsiia Uchenykh*, no. 2-7 (7), 2015, pp. 12–16. (In Russ.)
- 4 Bokl', G.T. *Istoriia tsivilizatsii. Istoriia tsivilizatsii v Anglii [History of Civilizations. History of Civilization in England]*, vol. 2. Moscow, Mysl Publ., 2002. 509 p. (In Russ.)
- 5 Brodskii, A.I. “Religiozniy anekdot i ego bogoslovskie istoki” [“Religious Anecdote and its Theological Origins”]. *Filosofskii polilog. Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniia russkoi filosofii*, no. 2 (6), 2019, pp. 123–131. (In Russ.)
- 6 Dushenko, K.V. “Pravo na anekdot”. *Sovremennyi anekdot kak sotsiokul'turnyi fenomen* [“The Right to a Joke. Modern Joke as a Sociocultural Phenomenon”]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, no. 1 (11), 2000, pp. 75–90. (In Russ.)
- 7 Karasev, L.V. *Filosofia smekha [Philosophy of Laughter]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1996. 224 p. (In Russ.)
- 8 Kirziuk, A.A. “Politicheskii anekdot v kontekste pozdnesovetskoi kul'tury” [“Political Joke in the Context of Late Soviet Culture”]. *Studia Culturae*, no. 31, 2017, pp. 75–84. (In Russ.)
- 9 Kopylkova, E.A. *Anekdot kak sredstvo perezhivaniia natsional'noi identichnosti (na materiale analiza evreiskikh anekdotov)* [Anecdote as A Means of Experiencing National Identity (Based on the Analysis of Jewish Jokes): *PhD Dissertation Thesis*]. Moscow, 2006. 202 p. (In Russ.)

- 10 Kurganov, E. *Anekdot kak zhanr* [*Anecdote as a Genre*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 124 p. (In Russ.)
- 11 Landman, Z. “Chto est' ostroumie” [“What is Wit”]. *Evreiskoe ostroumie* [*Jewish Wit*]. Moscow, Lekhaim Publ., 2006, pp. 9–12. (In Russ.)
- 12 Muskhelishvili, N.L., Shaburov, N.V., Shreider, Iu.A. *Pragmatika pritchi* [*Pragmatics of the Parable*]. Moscow, [s. n.], 1989. 20 p. (In Russ.)
- 13 Nechaeva, S.A., Kovaleva, G.A. “Anekdot kak ‘baromet’ vneshnei religioznoi identichnosti. Cherepovetskie nauchnye chteniia” [“Anecdote as a ‘Barometer’ of External Religious Identity”]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 3 chastiakh, Cherepovets, 16–17 noiabria 2016 goda* [Proceedings of All-Russian scientific-practical conference], part 1. Cherepovets, Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2017, pp. 72–74. (In Russ.)
- 14 “Serafima, monakhinia. Lgunishka vseia Rusi diakon Andrei Kuraev” [“Liar of All Rus' Deacon Andrey Kuraev”]. *Russkaia liniia* [Russian line]. Available at: <https://rusk.ru/viewmessage.php?id=14851> (Accessed 20 February 2024). (In Russ.)
- 15 Stepanov, Iu.S. *Iazyk i metod. K sovremennoi filosofii iazyka* [*Language and Method. Toward Modern Philosophy of Language*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 784 p. (In Russ.)
- 16 Iurasov, I.A., Ziablikova, O.A. “Sotsiosemioticheskaia spetsifika pravoslavnogo anekdota i ego vliianie na religioznuu identichnost” [“Sociosemiotic Specificity of the Orthodox Joke and its Impact on Religious Identity”]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 12, no. 5, 2022, pp. 36–41. (In Russ.)